

**Кирилл
КАЗАНЦЕВ**

СУПЕР КОП

*Закон силы
против силы закона*

Доказательство чести

Кирилл Казанцев
Доказательство чести
Серия «Суперкоп. Война против своих»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6508797
Казанцев К. Доказательство чести : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68340-6

Аннотация

В Следственный комитет поступила информация, согласно которой старший оперуполномоченный ГУВД Екатеринбурга капитан Пермяков за крупную взятку «развалил» дело об убийстве воровского авторитета по кличке Эфиоп, вследствие чего главный подозреваемый оказался на свободе. Была проведена проверка, и информация подтвердилась. Пермякова арестовали и заключили под стражу. Знакомые и коллеги отвернулись от капитана, и только его лучший друг – полицейский Антон Копаев – не поверил выводам следствия. Он считает, что Пермякова, честного и принципиального мента, подставили. И готов доказать это во что бы то ни стало...

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	21
Глава 2	25
Глава 3	52
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кирилл Казанцев

Доказательство чести

Предисловие

Есть в Екатеринбурге универмаг «Центральный». Так уж принято – называть их по принадлежности к определенной административной единице города, а это заведение стоит на территории Центрального района. Здание уникальное как по своей истории, так и по внешнему виду.

Что касается истории, то второго такого шедевра в России, пожалуй, не сыскать. В одна тысяча восемьсот девяносто седьмом году его сдал тогдашней приемной комиссии архитектор Бенуа, специально выписанный для этого из Италии государем Николаем Вторым.

То ли торопился итальянец завершить Русский музей в Санкт-Петербурге, то ли не было у него большого желания возиться с этим долгостроим, да только уехал он, не покрыв крыши. Бенуа есть Бенуа, и стыдно спрашивать с него за крышу, если дом построен. Туземные ваятели возводили бы его лет десять, причем никто не поручился бы за то, что это было бы похоже на дом. А Бенуа постарался на славу. Екатеринбург – не Питер. В то время в этом городе можно было строить здания и повыше Зимнего дворца. Это в городе на

Неве особенно не развернешься. Сначала по коньку Эрми-тажа вымеряй, а потом под эту высоту и планируй.

В две тысячи одиннадцатом году мэр Екатеринбурга сделал то, до чего не додумывались его предшественники за все сто с лишним лет, прошедших после постройки дома. Если бы Бенуа знал, во что превратится его творение, он наверняка бы заплакал. Шедевр Бенуа от асфальта до чердака покрыли зеркальными стеклами, отчего здание приобрело вид гигантской ванной комнаты, вывернутой наружу. С того момента с какой стороны на универмаг ни посмотри – видится лишь параллелепипед, на гранях которого повторяется все, что происходит вокруг, только, понятно, наоборот.

Но наступил момент, когда тревогу забили руководители ГИБДД. Дорога к «Центральному» вела через весь город и была пряма как просека в лесу. В результате этого можно было, глядя на универмаг, выщипывать волосинки из носа, находясь на балконе дома, расположенного на другом конце города. У самого крыльца творения Бенуа трасса расходилась в разных направлениях под прямыми углами. Но тревогу гаишники забили уже после того, как случилось то, о чем они догадывались, чувствуя тяжесть на душе.

Эту ночь с пятого на шестое июня тринадцатого года запомнят все горожане, но лучше всех, конечно, мэр, давший распоряжение придать универмагу облик космического объекта, и Виталька Кусков по кличке Штука.

Утром пятого Виталька почувствовал приток депрессии,

сел в свой трехсотый «Мерседес», выкатился с парковки, расположенной под его домом, и стал колесить по Екатеринбургу. Вся братва отправилась за город праздновать день рождения Яши Локомотива, а Виталька не был приглашен на это мероприятие. Оттого настроение у Штуки, честно сказать, было гадкое.

А все из-за пьянки, которая случилась в ночь с четвертого июля на пятое. Перебрав, Виталька устроил с Локомотивом, разминающимся перед основным праздником, соревнования по армрестлингу. Дело происходило в ресторане «Огни Екатеринбурга» в присутствии полусотни таких же господ, готовящихся к завтрашнему мероприятию.

Виталька с Яшей освободили стойку бара от бутылок и рюмок, встали по разные стороны и принялись ломать друг другу правые руки. Господь не обидел здоровьем ни одного, ни второго, поэтому противостояние длилось довольно долго – около пяти минут. Потом то ли винные пары Витальке в голову ударили, то ли он куда торопился, только ни с того ни с сего вдруг врезал Яше хук слева и, пользуясь глубоким нокаутом супостата, быстро прижал его руку к полировке стойки.

Нечего и говорить, что победа была признана недействительной, а Витальку дисквалифицировали. Судя по всему, штрафные санкции охватывали и тот отрезок времени, когда Локомотив на Медвежьем острове праздновал свое тридцатипятилетие вместе с двумя сотнями братков и их очарова-

тельными дамами.

Потому и одолевала Витальку депрессия. Он немного покружил по городу, не нашел веских причин для того, чтобы набить кому-нибудь морду, и как-то сам собой снова оказался в «Огнях Екатеринбурга». Его победу там, судя по всему, еще помнили, ибо трое халдеев в бабочках до сих пор подметали пол от осколков стекла и мебельных щепок.

Начинать в полдень с мартини было как-то неприлично, поэтому Виталька заказал селедку под шубой, горячее, литр ананасового сока и двести водки.

Двести водки закончились гораздо быстрее, чем литр сока, поэтому Виталька попросил повторить. Официанты так и сделали, однако... нет, не испугались, а всего лишь насторожились. Персонал ресторации пришел бы в ужас, если бы тут находились Локомотив и Штука одновременно. Эти двое сами по себе, по отдельности, были парнями вполне сносными и даже милыми. То же самое представляют собой сера и селитра. Однако стоит их соединить, да еще добавить угля!..

– Музыку!

Официанты напряглись чуть сильнее, однако Шуфутинского включили. В зале, который занимал Виталька в единственном числе, покатилося эхо, какое-то гулкое, еще не проснувшееся после вчерашнего.

– Я что-то стриптиза на сцене не вижу.

– Понимаешь, Виталя, сейчас час дня, – объяснял Кускову вызванный администратор. – Люди в поле, у станка. Они

придут сюда часов через восемь...

– А я не люди? Хер на блюде?

– Конечно, не хер. Но девочки-то с мальчиками отдыхают. У них ведь все наоборот. Ночью работают, днем спят.

Кусков вздохнул и заявил:

– Тогда сами выходите на сцену. Весь штат ресторана. Мальчикам разрешаю оставить бабочки, девочкам – туфли. Хочу вальса и чечетки.

Спорить с Виталькой – дохлый номер. Алкоголь, залитый в его двигатель, весьма убедительно доказывает, что ничего невероятного в этом мире не бывает. Все совершенно очевидно и просто.

Через час непонятно откуда привезли заспанную девочку и такого же мальчика, опухшего лицом и худого телом. Они вышли на сцену с таким видом, словно их вывели на расстрел. Оба ежились как вурдалаки, угодившие под солнечный свет. Однако творческие работники увидели Витальку и вспомнили, кто он такой. Зал до отказа наполнил голос Милен Фармер. Артисты начали совершать какие-то телодвижения, характерные для перепившихся любовников.

– Да, это вам не карнавал в Рио, – отметил Виталька, но отвалился на стул и соизволил лицезреть представление.

Он заказал еще двести и салат «Огонек».

Потом еще двести и икры.

Еще через час, в начале четвертого, Виталька вылез на сцену и начал стучать по барабану, позабытому музыканта-

ми, стараясь попадать в ритм движений пары, очумевшей от эротического танца.

Без пяти четыре он потребовал принести из реквизита бескозырку и попробовал станцевать «Яблочко». С этим у него не сложилось, тогда Виталька пригласил голую, обалдевшую от ужаса стриптизершу на тур вальса, хотя бескозырку и не снял.

В четыре двадцать он дал администратору сто долларов и попросил микрофон с караоке. Браток согнул о шею держатель микрофона, поднял со сцены стул и уничтожил им весь интерьер бара. После он пил что-то прямо из графина, бил кого-то не по злобе, потом вдруг оказался на кухне, где пытался склонить к сексу повариху, обжег руку о плиту, после чего направился в туалет, не нашел там писсуаров, стал скандалить и требовать сантехников. Его проводили в соседнюю дверь. Виталька писсуары обнаружил и о сантехниках забыл.

Потом свет погас, а когда включился, Штука обнаружил себя абсолютно обнаженным в постели с какой-то девицей. Он с трудом узнал в ней танцовщицу, плюнул и стал одеваться на выход, находясь в совершенно невменяемом состоянии. Раз пять или шесть Виталька смотрел на наручный «Ролекс», однако определить время так и не смог.

«Мерседес» стоял там, где браток и предполагал, — около крыльца заведения. Бросать машину он мог где угодно, ибо все жители города очень хорошо знали, кому она принадлежит. В Екатеринбурге до сих пор не нашлось ни одного

идиота, который решился бы выдать у «мерса» форточку и выдернуть магнитоу. Не говоря уже о том, чтобы угнать саму машину.

Виталька уселся на сиденье, безумно поглядел по сторонам. Пятиминутная привязка к местности не дала совершенно никаких результатов. Точно так же, как и процесс проникновения в глубину собственной памяти. На данный момент перед его глазами стояли занавески в серебряную клеточку, троящийся экран телевизора и тощие груди танцовщицы, дергающиеся над ним. Это означало, что секс все-таки был.

Кусков плюнул на асфальт, занес ноги в машину и включил зажигание. Он решил, что надо выехать на большую дорогу. А там уж можно будет сообразить, где он находится и как с этого места добраться до дома.

Виталька медленно выехал со двора, стараясь совместить в одно целое все одинаковые объекты, множась перед глазами. Наибольшую трудность представлял проезд между шестью колоннами, преградившими машине путь на улицу. Проклиная сталинский социалистический ампи́р, Виталька разделил шесть на два и аккуратно протиснулся между третьей и четвертой колоннами. Иначе говоря, между двумя имеющимися в наличии.

Район он не узнавал. У него возникло такое чувство, будто эта тощая шлюха из свердловского кабака увезла его куда-то, как минимум в Казань, там изнасиловала и бросила.

Он вырулил на середину проспекта, который по-прежнему не узнавал, и тут в двухстах метрах от него, впереди по курсу, засветились фары встречной машины. Виталька собрался, проявил чудеса концентрации и подумал снова. На этот раз его мысль сводилась к тому, что было бы очень хорошо, если бы встречное авто принадлежало не райотделу полиции или ГИБДД, что гораздо хуже.

От районников можно откупиться, сунуть двести долларов и при этом даже не помнить, как тебя зовут. А эти фразера со светоотражающими надписями на спине обязательно поведут к машине и начнут составлять протокол. Потом опять придется валить к заместителю начальника городского ГИБДД и отстегивать ему штуку баксов, чтобы он похерил протокол. Пьяным Виталька ездил часто, попадался тоже едва ли не каждый день, за что и платил. Так погоняло Штука и приклеилось к нему навеки.

Вглядевшись, Виталька понял, что тревога излишня. Фары приближающегося автомобиля были мощны и походили на мерседесовские. Екатеринбургские копы еще не обнаглели до такой степени, чтобы выезжать на службу на «меринах», а раз так, то путь свободен.

Однако смутное сомнение, отступившее в первый момент, снова стало возвращаться. Этот ублюдок на иномарке ехал навстречу Штуке по одной с ним полосе.

– Подлец! Пьяный он, что ли? – Как только Кусков открыл рот, салон мгновенно заполнился непереносимой кон-

центрацией водочного перегара.

На всякий случай Виталька посмотрел на дорогу из бокового окна. Вполне вероятно, что по встречной ехал именно он. Однако проверка показала, что это не так. Виталька-то как раз являлся добросовестным участником дорожного движения, а нарушителем был тот, встречный.

Браток на всякий случай сбросил скорость и пару раз перевел ближний свет фар на дальний. Если водила напротив заезался, то это лучший способ вернуть его с небес на дорогу.

Поразительное хамство! Встречный урод на иномарке не придумал ничего лучшего, как ответить Витальке тем же.

– Не в Японию ли эта шалашовка меня завезла? – прошипел Штука.

Подчиняясь какому-то импульсу, понятному одному ему, он добавил газу, вывернул руль влево и перестроился на полосу встречного движения. Владелец мощной, стремительно приближающейся иномарки, вероятно, понял, что происходит что-то не то. Он опомнился и вернул машину на свою полосу, то есть опять на встречную для Витальки.

– Ну, не сука ли, а?! – Кусков вскипел, прижал педаль подачи топлива к полику и вывернул на правую полосу, как оно и положено на дорогах России.

Он почти протрезвел. В тот момент, когда до столкновения оставалось чуть более двадцати метров, владелец встречной иномарки, разогнавшейся до сумасшедшей ско-

рости, понял, что аварии не избежать, если снова не вернуться на встречную. На этой полосе они с Виталькой оказались практически одновременно.

– Ну, падла! – успел рявкнуть Кусков. – Жив останусь – в клочья порву!

Он отчаянно рванул в сторону от уже приблизившейся машины.

Удар! Хлопок мгновенно раздувшейся подушки безопасности!

Тишина.

Свист за окном.

Еще удар!

Звон стекол, лязг ломающихся металлических частей машин!

Его «Мерседес» пару секунд катился по какой-то идеально ровной поверхности, потом остановился.

После свиста, раздавшегося за окном, Виталька Кусков был уже без сознания от динамического удара.

В его мозгу, почти насмерть отравленном алкоголем, мелькнула последняя мысль:

«Если перелетел, значит, все хорошо».

Когда Виталька открыл глаза, он совершенно не понимал, где находится и что с ним произошло. Браток выбрался из-под подушки, с трудом открыл дверь и сразу уткнулся во что-то мягкое, пахнущее новью. Еще воздух благоухал бензином, но это не в счет. Привыкнув к темноте, Кусков пощупал ло-

бовое стекло своей тачки и понял, что на нем нет даже трещины.

«Странно».

Он растолкал плечами какие-то предметы, напоминающие парадный строй солдат, сделанных из ваты, пробрался к капоту и так же, на ощупь, изучил и его. Если не считать треснувших фар и ободранной краски, машина была такой же, какой ее пригнали из Бреста.

Штука повернулся кругом и принялся ощупывать солдат, плотным кольцом окруживших машину и его самого.

– Что за лабуда? Кругом какие-то тряпки! Я что, в раздевалке? Это барак на зоне?..

Только для раздевалки в бараке это чересчур круто. Никаких крючков! Вешалки, на которых висела одежда, были даже на ощупь лакированными и ухоженными.

– Да где я, мать твою?! – заорал взбешенный Штука. – Куда делось это мурло помойное на иномарке?! Эй, люди, где я?

– На первом этаже, – сообщил ему спокойный голос. – В отделе женской верхней одежды, если тебе нужно знать абсолютно точно. Ну-ка, вылезай оттуда, Шумахер! Веди сюда всех, кто там еще с тобой приодеться решил. Будем разговоры разговаривать!

Виталька в полной темноте нахмурился, заскрежетал зубами и осведомился:

– Это что за лох там болтает?! – Расталкивая непонятные

толстые тряпки, он сантиметр за сантиметром стал продвигаться в сторону голоса.

Едва браток откинул последний кусок драпа, как ему в лицо ударил слепящий свет. Реакция Витальки была заторможена, поэтому он сначала медленно отвернулся и закрыл лицо руками, а уже потом крутанулся обратно.

– Милиция, гражданин водитель! Держите руки так, чтобы их было видно!

Свет исчез. Штука убрал от лица руку и всмотрелся в темноту.

– Вы один?

Виталька молчал и студенистым взглядом смотрел на синеватую «пятерку», борт которой украшала надпись: «Вневедомственная охрана».

– Да он пьяный! – раздался второй голос.

Виталька понимал, что за люди направляли на него автоматы, и решительно замотал головой. Ему хотелось возразить более убедительно, но язык опять отказал.

– Конечно, пьяный, – повторил голос. – Михаил, смотри, да он лыка не вяжет! Ну-ка, иди сюда! Как фамилия?!

Кусков помолчал, похмурился, поиграл желваками, развернулся кругом и пошел прочь. Он двигался уверенно, но не прямо.

– Ну-ка, держи этого наглеца, Саня! – послышалось за спиной Витальки. – Вот хам!..

О том, что происходило в течение следующей минуты,

лучше умолчать, а потом раздался вопрос:

– Ты почто в универмаг заехал?!

Штука, сидящий на земле, поднес к лицу руки, обе сразу. Одну не мог – на запястьях были наручники.

Он вытер кровь, сочащуюся из носа, и спросил:

– В какой универмаг?

– А это что?! – Сержант ткнул стволом автомата в то место, откуда совсем недавно вышел Виталька. – Охраняемый подземный гараж, по-твоему?!

Кусков посмотрел на пробоину, напоминающую повреждение на «Титанике», потом на стену и крышу дома. В его глазах отражался изумленный ужас.

– Это что же, я в творение Бенуа, блин, в универмаг «Центральный» попал?... В отдел женских... верхних пальто, что ли? – Он схватился за голову.

Ребятам из охраны оставалось лишь вызвать ГИБДД и сообщить о ЧП директору «Центрального».

– А где эта сволочь на импортной тачке?! – вдруг заорал Виталька, вспомнив, что в подобных ситуациях лучше всего быстро найти крайнего. – Из-за этого уroda я... в неруко-творный... в галантерею...

– Врачей еще вызови, Саня. – Сержант отошел в сторону, смачно сплюнул на асфальт с двумя жирными следами от широких колес «Мерседеса». – Кто мне объяснит, что можно делать в четыре часа утра в универмаге, на машине, в состоянии белой горячки?

Рация работала из рук вон плохо. Командиру взвода было доложено об этом еще вчера, однако тот опять отмахнулся. А как экипажу вневедомственной охраны обходиться без рации?! Это все равно что проктологу работать без резиновых перчаток. Пока старший наряда стучал тангентой о крыло, подвергая ее таким образом срочному ремонту, его напарник от нечего делать зашел в пробоину. Вскоре оттуда донесся щелчок открываемого багажника.

Через минуту сержант выбрался на улицу, быстрым шагом подошел к старшему наряда, отвел его в сторонку от хозяина «Мерседеса» и прошептал:

– Саша, это тот самый!.. У него в багажнике АКС.

– Что?!

Младший покусал губу, словно от этого зависела чистота его речи, и повторил едва ли не по слогам:

– У него в багажнике автомат Калашникова. АК. Без приклада. Значит – АКС.

Два часа назад все экипажи, находящиеся неподалеку, были срочно направлены к Центральному железнодорожному вокзалу. Побывали там, подчинившись приказу, и эти сержанты.

На путях, в трехстах метрах от ближайшего пешеходного перехода, был обнаружен труп. На алкаша, случайно выпавшего из вагона, покойник похож не был. Ничего подобного! Одет не по-вагонному. Вместо шлепанцев – туфли от Бергуччи, льняная рубашка и полное отсутствие трико для пу-

тешествий. Стрелки на брюках похожи на острия сабель, наточенных перед боем. В карманах ассорти преуспевающего человека: около пятисот долларов, пара тысяч в рублях и – какое чудо! – паспорт на имя Ефикова Ивана Викторовича.

Это сочетание имени, отчества и фамилии не могло сказать сержантам из ЛОВД ровным счетом ничего. Ефилов так Ефилов. Иван Викторович – нет вопросов. Но вот сотрудники местного УБОП после сообщения, пришедшего к ним ночью, здорово заволновались. Они-то и прояснили ситуацию коллегам. Оказывается, Ефилов и Эфиоп – это одно и то же.

Ефилов – личность, никому не известная, а вот Эфиопа не знать грех. После убийства контролера сети ресторанов этот пост тут же занял Эфиоп. Он все питейные заведения переименовал таким образом, чтобы никто, даже с пьяных глаз, случайно не перепутал, кому они принадлежат. «Третья пирамида», «Сфинкс», «Хеопс» и остальные в том же духе.

Теперь этот тип лежал между третьей и четвертой рельсами. Кто-то расстрелял гражданина Ефилова из автомата Калашникова калибром 5,45 мм и растворился в пахнущем креозотом воздухе железнодорожного вокзала. Операция «Перехват», как и положено в девяносто девяти случаях из ста подобных, не дала никаких результатов.

Теперь, спустя три часа, взорам двух милиционеров из вневедомственной охраны предстал совершенно невменяемый молодой человек, во владении которого находились «Мерседес» и автомат Калашникова. Последний, по счаст-

ливому стечению обстоятельств, имел калибр именно 5,45.

– Что делать?..

– Да уж, мать твою, вляпались! Теперь придется отрабатывать тему до конца и по всем правилам.

Младший нервничал заметно больше, но это не мешало ему думать о том, как совместить приятное с полезным.

– Как ты думаешь, что нам теперь за это будет? Медаль? – осведомился он.

– Если вот так, то ничего, – выдавил старший, рассматривая Витальку, мирно спящего под колесами их «Жигулей». – А если скажем, что мы его гнали, при этом он отстреливался из пистолета, который потом скинул, тогда... – Он воровато огляделся, подошел к своей машине и резким ударом сложенного автоматного приклада выбил левое окно.

Потом старший наряда обогнул «Жигули» и проделал ту же операцию справа. Машина уставилась в темноту ослепшими глазами. Миновав Кускова, сержант прошел внутрь универмага и намотал на ствол своего автомата полу пальто, висевшего на плечиках. Очередью из двух патронов он прострелил колесо и левую заднюю дверцу иномарки.

– Вот теперь, может быть, что-нибудь нам и перепадет.

Старший наряда вытянул из «слепой» машины переговорное устройство, а потом взволнованно и быстро сообщил на пульт дежурного о том, что попал в перестрелку, но сопротивление преступника сломлено, он обездвижен. При этом живы все. И свои, и чужие.

Далее очередь удивляться наступила для директора универмага и дежурного по райотделу. О применении оружия надо было сообщить еще и прокурору, как того требует закон, но сержант побоялся переборщить. Что-то ведь он должен сейчас сделать неправильно!.. Иначе нельзя. Когда человек в шоке после стрельбы, он обязательно что-нибудь да забудет. На то он и шок.

Глава 1

Сообщение о том, что старший опер ГУВД Екатеринбурга Пермяков арестован и водворен в СИЗО, стало для Антона Копаева полной неожиданностью. Сашка Пермяков учился на юрфаке вместе с Антоном и Пащенко, нынешним транспортным прокурором. Антон закончил первый курс, когда Пермяков получил диплом. Вроде бы никаких предпосылок для дружбы, тем паче что Пермяков работал в следственном комитете, а Копаев – в ГУВД.

Их свел как раз Пащенко, который, как и Антон, проводил на стадионе свободное от работы время. Вскоре неутомимый транспортный прокурор подтянул и Пермякова. Они вместе играли в футбол и всей душой предавались этому занятию.

Потом Антон ушел в УСБ. Официально он был уволен из ГУВД, и его друзья не знали, что Копаев остался служить. Только теперь уже оперативником в Управлении собственной безопасности ГУВД под началом полковника Быкова.

Новый начальник организовал переход Антона по всем правилам конспирации – через увольнение и сочинение достоверной легенды. Работа под прикрытием требовала от Антона собранности. Каждая новая история с оборотнями в погонах выжимала молодого опера досуха.

Копаев уже привык к перемене имени, фамилии, родственных связей. Каждое новое дело вносило свои коррек-

тивы и в его поведение. Чем дольше он работал, разоблачая коррумпированных сослуживцев, тем труднее ему было возвращаться в себя, вновь привыкать к имени и фамилии, полученным при рождении.

Оперуполномоченный Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга Антон Копаев. Это сочетание должности и имени знал только один человек в ГУВД – начальник Антона полковник Быков.

С Пермяковым и Пащенко Копаев встречался по-прежнему, в основном на стадионе, но теперь уже не дважды в неделю, а раз в месяц. Лгать было тяжело. Друзей всегда трудно обманывать. Но этого требовал его новый статус, положение человека, помогающего разоблачать продажных полицейских внутри системы.

«Да и ложь ли это? – думал Антон всякий раз, когда отвечал на вопросы Сашки или Пащенко о работе. – Я должен говорить неправду, это моя жизнь. Но я не предаю друзей, и моя ложь не предусматривает выгоды».

Для них он был менеджером строительной компании, существовавшей только на бумаге. Она якобы имела директора, главного бухгалтера и около тридцати штатных сотрудников. Это позволяло Антону жаловаться на пресс начальства и в случае необходимости ссылаться на срочный вызов в офис, который всегда был на замке.

И вот Сашка арестован.

Прокурор Пащенко позвонил уже через два часа после за-

держания Пермякова и сказал:

– Начнем с того, что, как говаривал Горький, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Хотя, черт возьми, случилось.

До утра было решено не дергаться. Причин тому было много. Сашка арестован по подозрению во взятке, и ночное появление в тюрьме прокурора мгновенно заставит определенные умы сосредоточенно работать. Это, пожалуй, первое и самое главное. Тут же была обнаружена вторая по значимости причина, потом третья...

У Антона сегодня был выходной, и он намеревался потратить его на выяснение всех обстоятельств задержания друга. Быков мог прояснить ситуацию. Антон собирался утром направиться к нему, но получилось так, что звонок полковника застал Копая в прихожей.

– Имя такое слышал – Александр Пермяков? – осведомился Быков.

– Да, слышал, – отозвался Антон, опускаясь на пуф в прихожей.

– Двигай на квартиру, – приказал Быков и отключил связь.

Речь шла о конспиративной квартире в Екатеринбурге, где Антон встречался с начальником для получения инструкций и передачи данных. Не мог же бывший опер, уволенный со службы, каждый день заглядывать в ГУВД и заходить в кабинет начальника УСБ.

– Откуда знаешь Пермякова? – осведомился Быков, едва

они встретились.

«Сказать, что друг, невозможно, — сразу понял Антон. — Отстранит и направит другого. Соврать — хуже некуда».

Лгать Быкову Антон не умел и не хотел.

— В футбол частенько играли, когда я опером на земле работал.

— Понятно. Но речь, собственно, не о Пермякове.

«Хороший оборот», — пронеслось в голове Копаяева.

— Идет какая-то грязная игра, Антон. Начали ее люди из ГУВД. Если Пермяков не их жертва, то сообщник, которого они решили наказать. В любом случае такие игрушки должны мгновенно накрываться нашим управлением, понимаешь?

— Еще как понимаю.

— Что и как случилось, кто играет — вот твоя задача. Собери максимум информации, а дальше будет видно. В любом случае знай, что Пермяков меня интересует меньше всего, он комитетский. Мне надо отловить крыс из ГУВД.

— Я понял.

Так началось утро дня, обещавшего быть долгим.

Глава 2

Сам же Пермяков находился в «красной» хате Екатеринбургского СИЗО. Он сидел на нарах и пытался понять, что с ним случилось прошлым вечером. Возвращаясь к тем событиям, Александр молчаливо курил одну сигарету за другой и вертел в руках зажигалку. Он словно втыкал в сеть штекер, соединяющий реальность с мистикой, и выдергивал его, когда понимал несостоятельность очередной версии. Ночью Пермяков точно таким же образом старался переключать каналы памяти, пытаясь найти ответ на один-единственный вопрос: по какой-такой причине Славе Рожину, прибывшему на прием, понадобилось подкидывать ему в бумаги, лежавшие на столе, конверт с документами. Эти бумаги подтверждали, что он, Александр Пермяков, является собственником дома в Сочи.

Вопрос о том, зачем сразу после ухода Рожина в кабинет вошли четверо оперов из УБОП с оператором, вооруженным видеокамерой, и понятыми, даже не вставал. Идиоту понятно – им позарез нужно было установить юридический факт незаконного нахождения на столе следователя прокуратуры конверта, в котором лежали бумаги на имя Пермякова.

Сперва он предположил, что кто-то не хочет, чтобы Александр Пермяков занял кресло заместителя начальника следственного комитета Екатеринбурга. Но эту проблему можно

было решить малой кровью, не запирая кандидата на пост в камере СИЗО. Такие вопросы не решаются подбрасыванием бумажек. Тут действует иная программа, очень хорошо отрегулированная.

Стих грохот запираемой двери, прошел первый шок, Пермяков успокоился. Ему стало понятно, что Рожин, конверт и оператор с понятыми – часть сценария, написанного по мотивам романа, где главным героем является Виталий Кусков, только что освобожденный из-под стражи.

Вот тут-то Пермяков и стал крутить в пальцах зажигалку, силясь понять, кому интересно, чтобы он, без пяти минут заместитель прокурора, оказался в компании гаишника ублюдочного вида, следователя РОВД из Ольховки, получившего пятьдесят бройлерных цыплят за «выпрямленное» уголовное дело, опера, по пьянке пристрелившего случайного прохожего, и тучного дядьки, должность которого в миру до сих пор никому не была известна.

Камера на восемь человек, заполненная лишь пятерыми. Таково было единственное удовольствие, которое испытывали узники СИЗО, до недавней поры боровшиеся с преступностью. В обыкновенных камерах картина была кардинально противоположная. В помещениях, предусмотренных для содержания двадцати человек, словно шпроты в банке, дождались суда или этапа, шутили, спорили, выясняли отношения, ели, спали, одним словом, просто жили от сорока до пятидесяти мужиков.

Пермяков понял, что нужно успокоиться, едва за ним захлопнулась дверь. Он тысячу раз пытался угадать, о чем думали люди, арестованные им, когда за ними захлопывалась дверь камеры. Что за жидкость кипела в тот момент в головах подсудимых? Сейчас Саша получил возможность узнать об этом на собственной шкуре.

Следователь успокоился и стал размышлять, как достойно объяснить присутствие конверта на его столе и закрыть тему. Но не прошло и минуты, как он оставил эти мысли в покое. Если кому-то нужно подбросить ему документы, говорящие о получении взятки, то это будет делаться так, чтобы впоследствии ни одно объяснение подозреваемого не нашло понимания. Ситуацию можно объяснить, когда совершена ошибка. Здесь же ни о какой ошибке не могло идти речи. Эти люди знали, что делали, давали себе отчет в том, какой результат будет достигнут.

– Да ты не вешай нос! – просвистел гаишник сквозь два выбитых передних зуба. – Если не при делах, значит, разберутся.

К исходу четвертого часа совместного заключения этот славный король дорог стал невероятно приветлив.

Итак, Кусков.

Парень из местного криминала, который ровно месяц назад упился до состояния анабиоза и на полном ходу влетел в зеркальный фасад универсама «Центральный». Копаев еще два года назад говорил, что однажды это произойдет. Пред-

сказание не сбывалось до тех пор, пока Виталька Кусков по кличке Штука не сходил в ресторан.

Что случилось после этого перелета через хилое ограждение, которое могло остановить лишь велосипедиста? Два сержанта из вневедомственной охраны клянутся, что Штука отстреливался от них, как заправский ковбой, умудрился попасть в оба боковых стекла и лишь чудом не сумел при этом продырявить ни одну вневедомственную голову. Сержанты утверждают, будто стреляли в ответ. Этим они объясняют, что Кусков не мог управлять своим авто. Приезжает команда из Центрального РОВД и – есть справедливость на земле! – находит в багажнике невменяемого Кускова автомат Калашникова. Самый настоящий, со спиленным прикладом, без десяти патронов. Если верить экспертизе, то без тех самых, пули от которых засели в теле господина Эфиопа. Дело о его убийстве расследует младший советник юстиции Александр Пермяков.

Убийца найден.

Совпадение двух этих событий вызывает массу вопросов, причем весьма мерзких, таких же противных, как гиены, рвущие труп льва.

Первый из них таков. Убийство Ефикова – не шапочный грабеж. Это вызов. Поводом к началу Первой мировой войны послужило убийство в Сараево эрцгерцога Фердинанда. За гибелью Ефикова тоже может последовать крутая драка. Криминальная, за передел зон влияния. Эфиоп милостью

божьей заправлял в Екатеринбурге и области аж пятнадцатью ресторанами. Он почти полностью контролировал этот бизнес города.

Нечего даже упоминать о том, что милость милостью, а платить приходится не только по счетам налоговых инспекторов. Эфиоп – не барыга, а часть структуры, именуемой в учебниках для средних школ милиции организованной, да еще и преступной. Сразу после его убийства в городе начнется такое мочиловое, что мало не покажется не только самим бандюкам, но и полиции.

Надо же, Виталька Кусков, расстреляв на перроне Эфиопа, кладет в багажник своего «Мерседеса» паленый ствол и едет в кабак! Там он напивается, устраивает дебош, рискуя нарваться на копов, а потом едет к девице. Уже ночью, когда вероятность быть остановленным и обысканным от резинки трусов до запасного колеса увеличивается в тысячу раз, Кусков устраивает перестрелку с копами. Законченный чудак. Отморозок по самый пояс. Но только сверху, если верить показаниям допрошенной девицы.

Вопрос второй. Где пресловутый пистолет, из которого Кусков, этот доморощенный бледнолицый Клинт Иствуд, отстреливался от двух красножких сержантов?

Вопрос третий. Где гильзы от пистолета? Менты уверяют, что Штука палил из ПМ или ТТ. Не револьвера, а пистолета, гильзы от патронов которых имеют особенность отражаться из оружия. Тогда где они? Сороки по гнездам растаскали?

Кстати, спутать ПМ с ТТ?.. Это все равно, как если бы до конца не понять, из чего в тебя палили – из гранатомета или системы «Град». Для старухи в сберкассе все пушки одинаковы, но это ведь два милиционера. Их суммарный стаж работы в полиции составляет пятнадцать лет!

Вопрос четвертый. Где гильзы от «калашникова», посредством применения которого полицейскими был остановлен и перенаправлен с дороги в универмаг Виталька Штука? Те же сороки уволокли?

Ответ на оба последних вопроса в виде заключения трас-сологической экспертизы хранится у Сашки дома. Поняв тему, он отнес бумажку туда, не рискуя до поры оглашать ее содержание.

«Не пришли еще результаты», – ответил бы он, если бы ему задал такой вопрос начальник комитета.

Сейчас Пермяков сидел на нарах и понимал, что не погорячился, когда спрятал заключение, сделанное добросовестным экспертом. Люди, которые все это устроили, сейчас обязательно найдут недобросовестного, у которого трое детей, в квартире однокомнатной тесновато, да и путевка в санаторий для больного ребенка тоже не помешает. Такой профессионал отыщется очень быстро. Все сложится так, как надо тем персонам, которые приземлили Сашку на тюрьму.

Однако это будет уже второе экспертное заключение. А в первом даны четкие и ясные ответы на все поставленные вопросы. Стрельба по «Мерседесу» велась с расстояния одного

метра. Сержанту, сидевшему справа, проще было не автомат свой разряжать, а дотянуться до Кускова и дать ему по морде. Результат был бы тот же – то взлет, то посадка, то снег, то дожди. Два манекена, переломленных пополам, застывших в имбецильных позах, и поваленные ряды драповых пальто пошива местной фабрики «Чинар».

Это первое. Теперь второе. Два стекла «шестерки» выстрелами из ПМ не выбиваются без нанесения иных видимых повреждений. Вневедомственники говорят что-то не то.

Ну и, конечно, подтверждение того, что из автомата, изъяттого из багажника автомашины гражданина такого-то и отправленного на экспертизу, был застрелен гражданин такой-то. Но это тема отдельная, хотя и факт.

Витальку Штуку на нары. Дело – из «темных» в «светлые». Осталось напечатать обвинительное заключение и отправить три тома уголовного дела в суд Центрального района. А там...

Ровно через месяц после того как Кусков был задержан, Пермяков исследовал дело и отправил его в суд. Так он ответил на запрос судьи, которому поступило ходатайство адвоката Штуки. Потом судья Левенец освободил Витальку из-под стражи, изменив ему меру пресечения на подписку о невыезде. После оглашения такого вот решения Кусков еще минуту стоял столбом и тупо хлопал глазами.

Интересное дело! Фирсов из суда Центрального района Кускова арестовал, а Левенец, работающий там же, освободи-

дил его на основании тех же бумаг, лишь с небольшими дополнениями следователя. Единство и борьба противоположностей внутри отдельно взятого государства. Почти по Марксу. Можно безошибочно сказать, кто из этих двух судей поступил по совести, а кто – по справедливости.

По мнению самого Пермякова, дальнейшее содержание Кускова под стражей не лезло ни в какие ворота. Если за месяц у следствия не появилось никаких фактов, позволяющих привязать Штуку к автомату так же прочно, как сам этот ствол к убийству Ефикова, значит, их не будет и после. Убийство – заказ. Посадка Кускова в СИЗО – тоже.

Получается, что Фирсов поступил по совести. По своей собственной. Чего не сделаешь ради хороших людей. Не о Кускове речь, понятно. Но кто-то не просто, а очень даже хочет, чтобы место реального убийцы Ефикова занял Виталька Штука.

Ровно через два дня в кабинете Пермякова появляется некто Пospelов и загоняет мульку о том, что он-де прогуливался в четыре часа утра по проспекту Маяковского, неподалеку от универмага «Центральный». Одним словом, остается сожалеть, что этот человек, с его-то привычками оказываться в нужном месте в нужное время, не заглянул на завод Михельсона тридцатого августа восемнадцатого года, когда там выступал Ленин. Глядишь, и Фанни Каплан не при делах бы оказалась.

– Иду, знаете, по Маяковскому. Вдруг бах-бах! Черный

«Мерседес», госномер двести двадцать два, как пуля летит мимо! «Менты, гады, нате вам!» Водитель озлоблен, свиреп с виду...

– Кто свиреп? Кусков? В ночь на шестое июня?

– Да, Кусков. А следом сержант Гонов и старший сержант Зелинский на «шестерке». «Стой, гад, не уйдешь! За свои преступления отвечать придется!» Та-та-та. Я своими глазами видел.

– Точно своими?

– Клянусь.

Пораздирал тогда Пермьяков рот зевотой, но показания за-протоколировал.

За тринадцать лет службы ему приходилось выслушивать, а потом скреплять своей подписью и не такое.

– Знаете, он меня не сильно изнасиловал. Так, чуть-чуть. Собственно, вообще не насиловал. Я даже сначала не поняла, что это...

– А зачем заявление писала, если путаешь ощущения с определениями?

– Так это я сначала так решила, а потом, когда домой пришла... Такое впечатление, что это мне приснилось. С вами такого никогда не бывает? Что-то приснится, а потом кажется, что это уже где-то было?

Конечно, было.

В четырнадцатилетнем возрасте он выяснил, что изнасилования бывают разные. Мальчишка исходил из собствен-

ных представлений о морали. Справедливости ради надо сказать, что она к тому времени находилась в сомнительном состоянии. Насилие над женщиной Сашка считал таким же страшным грехом, как измена родине или убийство члена партии. Хуже была только кража сменной обуви в школе. Поэтому визг в кустарнике, сопровождающийся треском материи и гортанным бурятским рычанием, вызывал у него желание немедленно привлечь внимание общественности.

Он собирался на футбол, но отец сказал ему:

«Ты скоро одуреешь окончательно. Вот тебе сто рублей, иди в «Металлист», там дают «Европейскую историю»».

Расчувствовавшись, он спросил у папы, что ему потом делать с оставшимися пятьюдесятью рублями. Отец отторг двусмысленный сарказм сына и сказал, что пиво не открывает его лучшие черты. Оно, мол, отупляет человека и заставляет его совершать поступки, которые потом вызывают стыд.

«И вообще, если еще раз запах услышу – убью», – ненавязчиво предупредил он.

Кроме Сашки кино смотрели несколько женщин, старик и две девушки со спутниками. В этом коллективе он выглядел как ребенок, потерявший память. Мальчишка сидел на самом последнем ряду, девушки со спутниками устроились чуть ниже. Барышни сначала целовались каждая со своим спутником, потом поменялись местами и принялись за чужих. В этой связи Пермьяков на некоторое время потерял связь с экраном. Тут киножурнал закончился, стало светло,

девушки умиротворенно вытянулись и застыли. Но он уже тогда знал, что это ненадолго. Во время перерыва они опять пересели. Когда стало темно и заиграла трагическая музыка, они целовались с теми парнями, с которыми пришли.

Это кино Пермяков уже видел, оно ему нравилось, поэтому он переключился на фильм. Тем более что убили Хайнца Ренке, и мальчишке стало очень интересно, как прикончат убийцу. Одновременно с этим он не терял надежды на то, что девушки начнут целоваться друг с другом или, на худой конец, этим займутся их спутники. Но тут сын Лоссера стал бить наци, и Пермяков отвлекся. Потом включили свет, он вытащил из-за ремня бутылку пива и направился к выходу.

Обратно Сашка шел через парк. Мальчишка старался двигаться неосвещенными участками между кустарниками, чтобы никто его не заметил, и на то была причина – он пил «Жигулевское». Время было смутное, семиклассник, пьющий пиво, вызывал у прохожих непреодолимое желание выяснить место жительства его родителей. Беспокоить по таким пустякам папу он не хотел, поэтому ходил козыми тропами.

Сашка выбросил в кусты пустую бутылку, а потом услышал женский визг, треск материи и хриплый голос. В четырнадцать лет он уже имел репутацию мальчика, подтягивать которого на дому по математике девочкам небезопасно, поэтому ситуацию понял правильно. Сашка тут же стал искать взглядом будущего сообщника в убийстве гнусного насиль-

ника, то есть человека, в карму которого заложена привычка вечно появляться в ненужном месте в ненужное время. Ему на глаза попался пузатенький гражданин малого роста, блиставший безупречной лысиной и пересекавший аллею с «Вечерним Екатеринбургом» в руке. Они как-то сразу поняли друг друга, прониклись взаимным доверием. Сашка обязательно пошел бы в разведку с таким человеком. Несмотря на разницу лет в тридцать, мужик оказался своим парнем.

Они вошли в темные заросли волчьей ягоды, а там, значит, вот что происходило. Тетя в очках лежала на спине, ею пытался овладеть дядя, пахнувший вермутом.

– Беги за дружинниками! – приказал мужик Пермякову. – А этого я сейчас возьму!

Это были смутные времена. Пермяков еще не рассматривал слово «возьму» с позиций Зигмунда Фрейда. Это сейчас он никуда бы не побежал. Пермяков сначала записал бы в карманный блокнот фразу целиком, а после сходил бы за своей бутылкой, вернулся и разбил бы ее о череп насильника. Но тогда он бросился сломя голову искать дружинников, хотя ненавидел их люто и презирал глубоко. Они были его врагом номер один, если не считать участкового Гасимова и ракет «Томагавк».

Пермяков вернулся с двумя щуплыми фрезеровщиками и тетей, контролером ОТК, о которую можно было бить годовалых поросят. Он вломился в заросли, и увиденное бескрайне поразило его.

Тетя по-прежнему лежала на спине. Она была та же самая, но вот дядя на ней пыхтел уже другой. Это было не единственное отличие. Из кармана пиджака предыдущего дяди торчало горлышко сосуда емкостью ноль семь, а нового – газета. Труссы этого дяди белели в темноте, а старого – чернели. От того дяди тетя отбивалась, а этого обнимала руками и ногами. Так крепко, что встать он смог только вместе с нею. В общем, папа Пермякова был прав насчет пива. Оно не открывало лучших черт его сына.

– Товарищи! Подонку удалось скрыться! – убедительно произнес бывший друг Сашки, разглядел сомнение в глазах заводчан, окруживших его, и счел нужным добавить: – Мы любим друг друга!

Тетя, висящая рюкзаком на его груди, охотно подтвердила это.

– Грязные животные! – отреагировала на это светлое чувство тетя с повязкой дружинника и могучими руками разорвала преступный союз пополам. – Вызывайте наряд, товарищи!

Пока дядя с газетой натягивал брюки на трусы, а пьяная тетя склеивала пальцами разорванное платье, один фрезеровщик побежал к телефону, чтобы позвонить куда следует. Тут другой фрезеровщик вспомнил, что совсем рядом находится опорный пункт участкового Гасимова, при упоминании о котором у Пермякова волосы на голове встали дыбом. Пленных решено было гнать в застенки своим ходом.

В опорном пункте милиции Пермяков узнал, что дядям разрешается лежать на тетях, если только совпадают фамилии в их паспортах. Но даже при таких обстоятельствах дядям и тетям нельзя заниматься этим вдоль дорог, по которым возвращаются из кино советские люди.

Закончив семинар, участковый Гасымов посмотрел на Пермякова как голубь. Чтобы понять их высокие отношения, нужно прочесть пять-шесть сказок дядюшки Римуса. Половину своего служебного времени братец Гасымов тратил на нерезультативные погони за братцем Пермяковым, а тот не выходил из дома, пока не убеждался в отсутствии поблизости участкового милиционера. Не было худшей приметы, если он перебежал ему дорогу. Это были смутные времена. Гастарбайтеры работали в Екатеринбурге участковыми и штрафовали коренных уральцев за отсутствие прописки.

– Понимаете, товарищи, мы с молодым человеком поспешили на помощь этой женщине, – затравленно объяснял дядя с «Вечерним Новосибирском». – Он по моей просьбе побежал за помощью, а то, что вы потом увидели, была любовь с первого взгляда. Завтра мы идем в загс. Честное слово. Подтверди, Таня.

Тетя в очках и платье, заправленном в колготки, работала, как уже выяснилось, в библиотеке имени Гайдара.

Она решительно кивнула и добавила:

– Только не обмани.

– Да ты что, Таня! – возмутился дядя. – Ты мне не ве-

ришь?!

– Не Таня я, – мимоходом бросила тетя, показала Гасымову на Пермякова, качнулась на стуле и произнесла фразу, которая выдавила из спины будущего следователя пивную пену: – Это он во всем виноват.

Сашка почувствовал себя жертвой демонической интриги.

– Достаточно, – заключил Гасымов. – Я вот что сделаю. Вам я дам штраф, вам – благодарственное письмо на завод. – Он посмотрел на Пермякова. – А тебе я выпишу почетную грамоту и отправлю ее в школу. С описанием подвига советского комсомольца, который прекратил брачную ночь жениха и невесты, начатую ими до свадьбы.

– Да нету уж комсомола! – взревел Пермяков, но было поздно.

Так мстить может только азиат. Он отправил всех по домам, а Пермякову предложил задержаться.

– Кто продел веревку через дверные ручки на лестничной площадке и позвонил всем? – не глядя на Сашку и перебирая бумаги, спросил участковый. – Кто бросил вечером кота в кухню на первом этаже? Люди, женщины, дети сидят за столом, кушают, уроки делают. Твой папа-мама кушать сели, им кота кто-то бросил – хорошо? – Он по традиции не добился от Пермякова ни звука и закончил мысль свою так: – Ты хотел Гасымову настроение испортить? Чтобы Гасымов не спал, не кушал всю жизнь? Ты зачем их сюда привел? –

Участковый знал, что Пермяков не умеет разговаривать в его присутствии.

Он пожелал ему поскорее закончить школу, сесть в тюрьму и не выходить оттуда до тех пор, пока Гасымов не уйдет на пенсию.

«Вот уж хер-то там, – думал Пермяков, идя домой. – Никакой тюрьмы. Я тебе до конца месяца сделаю штук десять протоколов о мелком хулиганстве, учиненном неустановленными лицами, разумеется».

Дома он сказал, что кино было так себе, убили только одного, и пошел спать. Грамота в школу, несмотря на месяц пребывания Сашки в состоянии ужаса, так и не пришла. Так он стал приучаться к мысли о том, что честные поступки не вознаграждаемы.

С тех пор Пермяков сильно изменился. Спасибо Гасымову. Теперь Сашка знал, что если у заявительницы на трусах сперма, то святой дух тут ни при чем, и она – не дева Мария.

Пример тому Анка-прошмандовка с вокзала. Она совала заявы в следственный комитет с той самой стабильностью, с которой нормальная дочь должна переписываться с матерью, живущей в деревне. В роли насильника каждый раз выступал очередной командированный лох, которого Анка сначала тащила к себе, а потом бежала в комитет.

Ладно, все это лирика. Итак, кто-то очень хочет, чтобы Кусков сел за убийство Эфиопа. Только почему Кусков? Нельзя пониже рангом «торпеду» найти? Лоха зачморенно-

го, который за подогрев на зоне хоть две пятилетки оттянет? Нет, в качестве подставной фигуры должен выступить обязательно Кусков! Виталька Штука, конечно, не почетный гражданин Екатеринбурга, однако к расстрелу Ефикова он непричастен. Это очевидно.

Может, и Пермякову, как той рассеянной проститутке Анке, плохо разбирающейся в отличиях между насилием и обоюдным согласием, тоже что-то приснилось? Например, про Рожина, который принес в кабинет конверт, да там его и позабыл. Едва спина этого типа скрылась за дверью, из-за нее показались лица оперов, понятых и типа с видеокамерой, такие же возбужденные, как при наблюдении за чужим сексом.

Но в последнее время снов он вообще не видел. Проваливался после ужина в беспамятство как в яму, а в семь утра выползал из нее. Да и то благодаря будильнику, поставленному рядом с кроватью на металлическую ванну и накрытому металлическим же тазом. От этого звонка Пермяков просыпался последним в подъезде. Он умывался, поедал с вечера купленную булочку с кофе «Пеле» и садился в собственные «Жигули» пятнадцатой модели, чтобы доехать до следственного комитета.

В какой же все-таки момент Сашка проморгал опасность? Наверное, в тот, когда ему сообщили, что приказ о его назначении замом начальника комитета уже подписан. Он потерял концентрацию, не почувствовал рядом врага.

И вот они, нары.

Дичь какая!..

Первый час неволи Пермяков помнил плохо. Расспросы сокамерников, отчаяние, близкое к шоку. Ко второму часу его начали одолевать мысли о том, что произошло чудовищное недоразумение. Они испарились через десять минут. Это что же нужно напутать, чтобы родилось такое недоразумение?!

К третьему часу в голове Сашки сформировалась глупая идея, именуемая синдромом побега. Убежать, а потом доказать, что ты прав. Позже ему вдруг пришло в голову, что сценаристы фильмов, где арестованный чудесным образом сбегает из-под усиленной охраны, находят самое простое объяснение тому, почему их истории заканчиваются, не успев начаться. Недели наручники – логично. А вот сам снял – это уже фантастика, не имеющая к реальной жизни никакого отношения.

Покой пришел сам собой. Вспомнились Вадим Пащенко и Антон Копаев. Сашка бы их не бросил.

События в камере, как и в остальной жизни, происходят независимо от того, желает человек в них участвовать или нет. К окончанию четвертого часа Пермякову надоело смотреть, как гаишник, лежащий на верхнем шкафаре, катал из хлебного мякиша шарики и движениями Шакила О'Нила забрасывал их в очко, расположенное в углу. Собственно, Шакила в этом ленивом фраере напоминала лишь нижняя губа, отвисшая к подбородку, но сути это не меняло. Король ноч-

ных дорог на протяжении получаса стремился во что бы то ни стало попасть хлебом в парашу.

Когда Сашке исполнилось пятнадцать, у него умер отец. Отчим со своей «восьмеркой», а потом – с «пятнашкой» и трехкомнатной квартирой, в которой следователь теперь просыпался по утрам, появился позже. Что такое машина в семье, Санька понял в семнадцать. А вот как можно завтракать по утрам хлебом с чаем, без масла и варенья, он узнал с того самого момента, когда стал себя осознавать.

Мать работала на Капчагайском кирпичном заводе. Ей на спину упал поддон с кирпичами, оторвавшийся от стропил. Ходить потом она могла, но с тех пор они вдвоем, пока Сашка в четырнадцать лет – раньше не принимали – не устроился на хлебозавод помощником пекаря, жили на ее пенсию по инвалидности. Что-то уходило на лекарства, что-то на еду, казалось, жить можно. Но теперь еще ему приходилось учиться непринужденно вести себя в школе в аккуратно зашитых брюках, когда одноклассники приходят на уроки в джинсах и батниках.

До тринадцати лет Сашка жил в Казахстане, то есть на Востоке, поэтому знал цену хлебу и всему, что связано с едой. Даже теперь, когда в его жизни появился достаток, он ничего не мог с собой поделать. Привычка вычищать кусочком хлеба тарелку в столовой выглядела не комильфо, однако сам он этого не замечал. Это для него было так же естественно, как вытрясти в рот ягоды, выпив стакан компота. Он помнил те

дни, когда ему в восемь лет приходилось ложиться спать голодным и плакать от непонимания того, почему так получается. Кому-то такое поведение в столовых могло показаться банальной скупостью или перебором в демонстрации педантичности, но только не Копяеву с Пашенко. Они знали, кто есть Сашка, из какой жизни он прибыл в их мир.

А этот парнишка со второго этажа бросал и бросал хлеб в парашу. Он мешал Пермякову думать. Даже если бы этот человек на его глазах спас целый мир, то в Сашкином отношении к нему уже ничего не изменилось бы.

– Это же хлеб.

– Я знаю. Скорей бы на допрос вывели, что ли.

На этот раз он попал точно в дырку, что подтвердило липкое хлюпанье, донесшееся из угла камеры.

– Способ, которым он тебе доставался, по всей видимости, и является основной причиной твоего присутствия здесь?

Больная тема задета, вопросов нет. Разве Пермяков хотел добиться не этого? Так оно и вышло. Его взору предстало лицо отставного служителя безопасности дорожного движения, подернутое ненавистью.

– Ты тут-то не гонорись по-правильному! – На верхних нарах раздался звук, имитирующий плевок, который мог бы упасть под ноги Пермякову. – Не в комитете. Понятно, что не за рвение в службе тебя сюда определили.

– Не за рвение, – согласился Пермяков и посмотрел под

ноги, туда, куда, по его прикидкам, должен был бы упасть плевок, если бы он имел место. – Понятно тебе... Быстро ты к понятиям приучился. Только к странным. С ними долго здесь не проживешь.

Беседа увлекла гаишника. По его скудным представлениям о камерной жизни выходило, что собеседника, открывшего такую тему, нельзя оставить со своим мнением.

Посему он и выдал остроту, напрашивающуюся на язык: – Чувствуется опыт. Не первая ходка, что ли?

Пермяков лениво моргнул.

– Люди в доме на пол не плюют и хлеб в унитаз не выбрасывают. Если, конечно, речь о людях идет, а не о скотах.

Дальнейшее произошло быстро. Тучный тип, читающий затертый тюремный роман без половины страниц, успел лишь положить книгу на живот, но уже через пять секунд, когда все закончилось, снова углубился в текст. Цыплячий следователь предпочитал вообще не участвовать в каких-либо склоках. Потом Сашка заметил, что по ночам он беззвучно плакал, сдавливая лицо, чтобы его не было слышно, а днем безучастным взглядом рассматривал потолок и большей частью молчал.

Гаишник соскочил с нар в тот момент, когда Пермяков поднялся и вышел на оперативный простор. Едва в его сторону качнулся торс противника, он без злобы, но сильно пробил ему с правой в скулу. Точнее, хотел в скулу, но любитель баскетбола отшатнулся и зачем-то привстал на носки.

Потом Сашка добавил. Опять без злобы.

Потом врезал еще раз, чтобы закрепить воспитательный эффект.

И вот уже семь часов хлебом никто не бросался, не матерился, спокойствия не нарушал, не в тему не острил. Остатки хлеба вернулись к харчам арестантов, и напряженность бывшего носителя полосатого жезла исчезла вместе с его двумя верхними зубами. Они были последним, что гаишник утопил в параше. Вот уже семь часов он использовал ее по прямому назначению. Только теперь все чаще.

– У тебя почки больные, – сказал гаишнику тучный тип. – Сообщи адвокату. Иногда помогает.

– Не думаю, что мой адвокат силен в урологии.

Толстяк опять опустил роман на живот и посмотрел на жертву прокурорского произвола поверх очков.

– Я об изменении меры пресечения говорю.

Никто не знал, кто такой этот тип и по какому случаю здесь находится. Ясно было одно: костюм «адидас», что на нем, – настоящий. Он брился каждый день, и конвоиры на него никогда не обращали внимания. Не потому, что презирали, а словно тот был прозрачным. Даже тогда, когда все вставали, толстяк продолжал лежать и читать засаленный роман.

А вот Пермякову один раз даже досталось палкой. Удовольствие от этого получил лишь гаишник, но не конвоир. Он встретился взглядом со следователем и решил никогда

более так не поступать. От крепкого мужика, получившего удар, почему-то не пахло камерой, словно не прижился здесь. Аромат крытки впитывается в арестанта с первой минуты. С этого момента он становится неотъемлемым признаком, позволяющим конвою распознавать своих и чужих.

От этого парня из следственного комитета пахло свободой и мылом «Фа», позаимствованным у тучного типа. Нет, не прижился он тут.

«Но где же Пашенко?»

Уже девять утра. В этой камере Пермяков находился уже семнадцать часов. В шестнадцать пятнадцать прошлого дня судья Марин подписался под своим решением лишить следователя свободы на десять суток. Пермяков знал, что будет происходить в течение этого времени. Допросы, допросы, допросы, чередующиеся с шантажом, уговорами и угрозами. Ему ли этого не знать?

Он с усмешкой подумал о том, что студентам-медикам не просто так устраивают частые экскурсии в морг. Если бы выпускников юрфака запирали на десять суток в СИЗО, то, может быть, в их воззрениях что-то и изменилось бы. Они вели бы себя по-другому, лучше понимали чувства подсудимых, знали наверняка, что делают.

Но где же Копаев и Пашенко? Не может быть, чтобы до них не донеслась весть о задержании.

Конспиративная квартира УСБ, которую могли посещать

только Быков и Копаев, располагалась в спальном районе города и имела ряд преимуществ. Она не относилась к числу элитных, не бросалась в глаза. Хотя бы раз в день Антон должен был появляться в ней, чтобы столкнуться с соседями, поздороваться, помочь донести сумку. Люди должны знать, что на шестом этаже типовой девятиэтажки живет обходительный молодой мужчина, не замеченный пьяным и не устраивающий гулянок по ночам. Между тем никто понятия не имел, где этот человек работает и есть ли у него девушка. Все это создавало вокруг Антона прозрачный пузырь, бесцветный, безвкусный, обыденный. Лезть в его жизнь соседям было неинтересно.

Однако внутри этой квартиры размещалось все необходимое для сотрудника УСБ. Мощный компьютер с выходом на информационный центр ГУВД, вместительный шкаф, в углу – неприметный сейф, в котором находились все документы, необходимые Антону для работы.

– Первый рубеж обороны этих людей – коррумпированный суд, – сказал Быков, покуривая у окна. – Организованная преступность, в отличие от государственной правоохранительной системы, выстроена четко и слаженно. Все подается под видом судебных решений. На судей жаловаться бессмысленно – у них особый статус, они вольны в принятии решений. Свои судьи, адвокаты, прокурорские работники, люди в мэрии – это главный признак организованной преступности.

– Мы это уже проходили, – отозвался Антон.

– Каждый раз мы проходим это по-новому. Итак, если в ГУВД орудует банда, то она тут же подопрется решением суда, причем сделает это как можно скорее. Пермякова закрыл судья. Теперь освободить его может только другой судья. Но он сделает это лишь тогда, когда перед ним появятся неопровержимые доказательства невиновности Пермякова.

– Я их добуду.

– Не спеши, – Быков вернулся к столу. – Чтобы разговаривать с судьями, тебе тоже нужен особый статус. Это не дело о казино, где можно было просто прийти с удостоверением важняка из генпрокуратуры. Судьям плевать на нее.

– Может, использовать документы помощника уполномоченного по правам человека?

Быков улыбнулся.

– Посмотри на меня.

Копаев удивленно поднял голову.

– Можешь заставить меня испугаться?

Антон поднялся и сел на край стола.

– Могу. Только зачем мне тебя пугать? Я не дракон. Сделаем так. На вечернем у тебя дочь учится. Не будешь против, если я ее завтра домой привезу?

Быков прошелся по кабинету.

– Да, это неприятно. Но не страшно. Потому что я могу вынуть сейчас пистолет и тебя пристрелить. А еще хуже – записать разговор на диктофон, который у меня в кармане, и

завтра сдать его в ФСБ. Больше никто меня пугать дочерью не захочет. Так что мимо.

– Это потому, что я не сильно пугал. – Копаев беззвучно рассмеялся.

– Кого судья не прогонит из кабинета сразу? – пробурчал Быков, снова направляясь к окну.

На подоконнике стояла пепельница, двор был тих и тенист. Быкову давно было пора в отпуск, он сегодня же упаковал бы чемодан, но дело Штуки заставило его отказаться от приятных намерений.

– Кого он выслушает?

– Судью.

– Это так. Но они стараются не вмешиваться в дела друг друга. Это раз. Второе: эту легенду легко вскрыть.

– А если я приду без статуса? Просто так.

Быков задумался.

– Рискованно. Одна проговорка – и тебя скрутят приставы. А нам нужен испуганный судья. Вот что мы сделаем. – Быков решительно подошел к столу и оперся на него. – Я сейчас свяжусь с мэром. Документы заместителя начальника правового управления городской администрации получишь через пару часов. Нужные люди там будут знать о тебе к вечеру. С мэрией судьи пытаются разговаривать прилично. Квартиры, земельные участки...

– Я понял.

Быков подсел к Копаеву и тихо проговорил:

– Постарайся напугать судью, арестовавшего Пермякова. Через минуту после твоего ухода он выйдет на свои контакты. Я буду к этому готов. Но не стращай его дочерью и близкими. От этого люди дуреют и теряют страх. Запомни на всю жизнь.

Копаев улыбнулся и спросил:

- Когда можно забрать документы?
- Через три часа в почтовом ящике.

Глава 3

Марин пришел в суд Центрального района несколько лет назад.

Когда заходила об этом речь, он так и говорил:

«Я работаю в суде заместителем председателя вот уже несколько лет».

Далее по тексту, по необходимости.

Его все понимали, потому что формально он был прав. Марин действительно несколько лет работал в суде Центрального района. Он и вправду занимал должность заместителя председателя. Но свою фразу этот господин мог произносить с легкостью и уважением к сказанному лишь за пределами упомянутого учреждения. Проблема в том, что все его коллеги знали, что судьей Марин работал два года, а в должности председателя – три месяца.

Как известно, два преступника – это уже организованная группа. Соответственно, два года – не один, а уже несколько. Кто за стенами суда будет разбираться, как давно Марин там работал и когда стал заместителем председателя?

Причина такого стремительного карьерного роста крылась не в гениальности Марина и не в его паранормальных способностях. Он не мог досконально разбираться в сложных делах и выносить приговоры за то время, пока тлеет табак в трубке. До Шерлока Холмса, как и до просто порядоч-

ного человека, Владимиру Викторовичу далеко. Все перечисленное выше излишне, если есть другие способности.

Одна из них – точное выполнение задач, поставленных руководством. Для Марина это прежде всего председатель областного суда Лукин и дальше по ниспадающей, по покатым стенам судебной пирамиды. Тут стоит упомянуть сразу нескольких председателей: квалификационной коллегии, совета судей, суда Центрального района. Впрочем, на них можно не обращать внимания, если у тебя все в порядке с Игорем Матвеевичем.

Антон коротко постучал, тут же толкнул дверь и заявил: – Здравствуйте, я Полторацкий, из правового управления мэрии.

– Как вы не вовремя.

– Уж простите, так получилось.

Ожидая, пока Марин расчешет свои каштановые волосы перед зеркалом, Антон отошел к окну.

– А вы чего, собственно, хотели? – Судья удивился такой наглости, прошел за стол и, протирая очки, вопросительно уставился на крепкую спину гостя. – Как, кстати, вы себя называли?

– Полторацкий. – Антон развернулся. – Заместитель начальника правового управления.

– Впервые слышу.

– Это неудивительно. Я с понедельника в должности. До этого работал на Алтае. В совете директоров леспромхоза.

Расчет был верный. Копаев повел себя немного неадекватно, заставил Марину переспросить насчет его должности. Так возникла возможность озвучить и другую. Дело леспромхоза рассматривалось в Алтайском крае полгода назад. Марин был приглашен в качестве судьи вынесенного процесса.

Абсолютно коррумпированная система леспромхоза, позволяющая выкачивать миллиарды из Алтайского края, подверглась обструкции, и около пятнадцати участников преступного сообщества были посажены на смешные сроки. Всем было известно, что леспромхоз – московский проект. До поры никто не вмешивался в преступную схему. Бонусы от криминальной деятельности распределялись в высших эшелонах власти. Но начались заказные убийства, и делом заинтересовалась ФСБ. Было принято решение закрыть шушеру, чтобы отвести внимание федералов от главных фигурантов.

Марин был в курсе событий, участвовал в схеме общего судебного процесса. Теперь перед ним появился человек, который остался на свободе после генеральной чистки. Это свидетельствовало о том, что Полторацкий причастен к верхушке теневого бизнеса леспромхоза. Фигура крупная и абсолютно криминальная.

Если бы Марин мог, то навел бы справки у тех, кто ушел от громкого процесса. Но он не имел такой возможности. Копаев был уверен в этом, и сейчас выяснилось, что не зря.

– Вы вчера Пермякова арестовали.

Это была не атака, скорее авангард, передовое подразделение, разведка, за которой последуют основные силы.

Поэтому Марин ответил так, как и должен был:

– Я помню.

Больше всего заместителя председателя суда коробило то, что гость разговаривал, стоя к нему спиной.

– За что? – Копаев-Полторацкий приблизился к судье на расстояние вытянутой руки.

– Уж не отчета ли вы от меня требуете?

– Нет, конечно. – Антон прошел к столу и сел на место, обычно занимаемое адвокатом.

С этого момента он, даже не подозревая об этом, наградил себя соответствующей ролью со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Я спрашиваю лишь потому, что Пермяков – друг одного моего знакомого.

– Ну и что? – Марин вяло пожал плечами.

– Ничего. Что ему инкриминируют сотрудники полиции?

– Взятку, господин Полторацкий. Что еще можно инкриминировать сотруднику следственного комитета? Взятку либо злоупотребление служебными полномочиями. В данном случае мы ведем речь...

– О взятке, – перебил Копаев.

– Верно. У следователей две беды. Жить сладко хотят все, а получается не у многих. – Марин усмехнулся. – Недоста-

ток профессионального образования. Так и передайте своему знакомому.

– Да. – Копеев встал со стула и стал рассматривать корешки книг, которыми был набит стеклянный шкаф судьи. – Недостаток профессионального образования дорого стоит. Тонко подмечено.

Вместо удовлетворения, которое Марин должен был бы ощутить сразу после этой фразы гостя, он почувствовал легкую тревогу. Судье хотелось выставить посетителя за дверь в грубой форме, однако что-то подсказывало ему, что делать этого не стоит. Эти чувства боролись одно с другим, и победителя не было.

– С доказательствами все в порядке?

– Разумеется, – бросил Марин.

– Со свидетелями тоже?

– Конечно.

– И с потерпевшим. – На этот раз Копеев не спрашивал, а утверждал. – Значит, Александр Пермиков сорвался с цепи как алкаш с завязки и стал взятки хавать? Да, дела!..

– Что-то не пойму я вас, господин Полторацкий. – Чтобы чем-то занять руки, Марин принялся крутить туда-сюда колпачок на «паркере». – Вроде прояснили тему, а вы все равно покоя обрести не можете.

– Нет, тему я еще не прояснил. – Копеев снова вернулся к столу. – А вы мужественный человек, Владимир Викторович! Арестовать следователя на основании заявления ублюд-

ка, судимого дважды, и конверта, лежащего не в кармане подозреваемого, не в ящике стола, а среди бумаг на нем. Это не слабо, Владимир Викторович. Мужественный поступок, если учесть, что больше никакой доказухи нет. Кто же вас так настроил-то?

– Бросьте! – Марина слегка перекосило. – У этого, как вы говорите, следователя трехкомнатная квартира в центре города! Не слишком ли дерзновенно для зарплаты в семь с половиной тысяч рублей? Я, к примеру, даже близко переехать к этому дому не могу!

– Да, пока.

– Что пока? Почему следователь может себе такие вещи позволить, а я, чья зарплата в два раза больше, – нет? Квартира у меня не в центре города и не трехкомнатная!

– Вот, оказывается, что явилось основной причиной удовлетворения просьбы персон из УБОПа!

– Не нужно передергивать! – вспыхнул Марин. – Вы даете отчет, с кем разговариваете?

– У парня квартира просторная, машина навороченная. Фигура спортивного сложения, взгляд непробиваемый... Кстати, я очень хорошо понимаю, с кем разговариваю.

– Господин Полторацкий, я должен попросить вас уйти.

«Все идет по плану», – промелькнуло в голове Антона, когда он понял, что Марин начал терять контроль над собой.

– А вдруг копы здесь не при делах? – продолжил Копаев. – Может, это председатель областного суда перед вами гречку

перебирал? Это – в кастрюльку, это – в ведро.

В кабинет с кипой дел под мышкой и улыбкой на лице вошла секретарша.

– Выйдите, пожалуйста, – попросил Антон.

Марин побледнел как загрунтованное полотно.

Улыбку девушка стереть не успела, поэтому ее взгляд, брошенный на Марина, был удивленным, растерянным и веселым.

Владимир Викторович вдруг вспыхнул таким свекольным тоном, что казалось, будто каждый уголок его кабинета озарился багровым рассветом. Секретарша исчезла.

– Что это вы здесь распоряжаетесь?! Вы не обнаглели ли окончательно?! Идите вон!..

– Не кричите. Девочка очень впечатлительная, – попросил Копаев. – Я хочу кое-что вам сказать, дорогой товарищ. – Антон подошел к столу, за которым сидел судья, готовый разорваться, уперся руками в столешницу точно так же, как совсем недавно это делал полковник Быков. – Может быть, я хоть одного добьюсь – вы уснуть сегодня не сможете. Знаю, что так и будет. Не по причине угрызений совести. Она тут ни при чем. Просто от того, что вам нахамили, а вы ответить не смогли. Лишь слабенькой ручкой в сторону двери обидчику махали. Мы-то с вами знаем, как это унижительно – ручкой на дверь махать, когда мужества для достойного отпора не хватает! Никаких оправданий за всю ночь не сыщете, правда? Найти основания для заведомо незаконной посадки

следователя на нары вы смогли, а встать и вытолкать хама за дверь вам слабо.

– Я звоню мэру!

– Да не будете вы никуда звонить. Смелости не хватит. Мэр вас в гробу видал.

– Послушайте, мы в суде!..

– Вот именно. Поэтому я и отправил девчонку за дверь! Чтобы она не знала, что ее босс иногда забывает, что он в суде. Вы арестовали и отправили в тюрьму мужика, который ломал в две тысячи пятом банду Смирнова, вырезавшую полвагона поезда Владивосток – Москва! Вместе с такими же погаными ментами вы надели наручники на человека, награжденного орденом Мужества! Не на войне, а тут, в гребаном Екатеринбурге. Марин-Марин!.. Два года назад Пермякову давали двадцать тысяч долларов лишь за то, чтобы он с воли передал подследственному малявку в три слова. В ней было написано: «Потерпи до понедельника». Марин, что стоило Пермякову потерпеть всего одну секунду? Все равно никто бы не узнал. Не стал ведь, гад, взяточник, не передал записку, сука!

– Два года назад... – Владимир Викторович действительно понимал, что уснуть ему не удастся, по крайней мере сегодня, потому что он не сможет справиться с гостем.

«Вызвать приставов? – подумал Марин. – Тогда поднимется шум. Неизвестно, на что способен этот Полторацкий. Полетят слухи по суду. Лукин будет зол. Привлеку внимание

к своей персоне, делу Пермякова, а значит, и к людям, которые просили... Нет, приставов звать нельзя!»

Когда ты не можешь ответить на оскорбление, всегда нужно ссылаться на должность. Ты судья. Это основная причина, из-за которой тебе нельзя быть мужчиной. Нет ничего лучше звания судьи. Оно иногда совершенно обоснованно исключает половые признаки.

– Два года... – Марин скривился, давая понять, что за такое время меняются не только люди, но и мир.

– Что, срок большой? Два года назад вы трудились юрисконсультom на заводе. Или память отшибло так, что биографию забываете? Хочется забыть, да не можетcя? Вы были юрисконсультom, Марин! А я десять лет назад сидел под Красноярском на особом режиме. Несправедливо обвиненный. Потом разобрались, все встало на свои места.

«Вот, значит, что это за птица, – подумал Марин. – Выстави сейчас его за дверь, и завтра в окно влетит коктейль Молотова».

– А Пермяков – мой друг. Хоть и мусор.

В голове Марина все перемешалось. Копаев еще раз взгляделся в его глаза и убедился в этом: перемешалось. Теперь Марин окончательно потеряет покой, раздумывая, кого закрыл. За следака из комитета ходатайствует судимый человек. Он его друг и нынешний заместитель начальника правового управления администрации Екатеринбурга. В принципе это нормальное явление для сегодняшнего времени. Но

когда такое касается тебя, всегда кажется, что начался кошмар.

– Ага!.. – понял Марин. – «Один мой знакомый попросил...» Так вот вы за кого хлопчете!

– Да, Марин! Да! – Антону стало ясно, что судья прочувствовал обстановку. – За друга своего, за тридцатилетнего мужика по фамилии Пермяков. За человека, которого знаю. Вы в курсе, Марин, почему у Пермякова есть квартира в центре, а у вас нет?

Антон нанес последний удар. Марин должен был понять, что усадил за решетку человека из структуры. Члена организации. Этот вот Полторацкий – посыльный от этой структуры. Марин окончательно занервничал.

«Главное, не перегнуть, – решил Антон. – Он уже на блесне. Немного блатной романтики теперь будет в самый раз».

Антон устало оперся на стул и проговорил:

– Когда на мать Пермякова упал поддон с кирпичами, отца у Сашки уже не было. Когда мать познакомилась с его будущим отчимом, они уже четыре года как переехали из Казахстана в Екатеринбург. Потом матери не стало, и он жил с отчимом. Хороший мужик, пиво нам иногда покупал. Перед армией... Но это было потом! А до того момента, как появился отчим, Сашка понятия не имел, что такое мясо каждый день. Он с четырнадцати лет работал. То на хлебозаводе мешки с мукой таскал, то на железнодорожной станции вагоны разгружал. – Копаев заставил себя нервно сглот-

нужно. – С четырнадцати лет до семнадцати, Марин! Когда он в мой двор попал, у него даже варежек не имелось. Квартира и машина принадлежали отчиму, и все это у арестанта сейчас есть по той простой причине, что тот умер. Повезло подлецу и взяточнику Пермякову, правда?! Не бог весть какие признаки честности для тридцативосьмилетнего мужика, но это так, на всякий случай, для общей картины. Ты совершил очень большую ошибку, Владимир Викторович. За это придется ответить. Ну, да ладно, Марин. У тебя народу за дверями – не пробиться. Бывай.

Копаяев склонился к урне, стоявшей в кабинете Владимира Викторовича, и длинно сплюнул. Человек из мэрии так никогда не сделает. Но тот, кого усадила туда сильная организация, на такое способен. Потом Копаяев развернулся и направился к выходу.

Марин не мог остаться оплеванным.

– Я вам очень скоро обязательно напомню об этом разговоре, Полторацкий.

– Правда? – Антон улыбнулся. – А я разве сказал вам о том, что собираюсь его забыть?

«Вот теперь у тебя шило в жопе надолго».

Он распахнул дверь и вышел в коридор. Закрывать ее за собой Копаяев не собирался. Она так и осталась распахнутой, похожей на незавершенный процесс, отложенный на неопределенный срок.

Глава 4

Раз в месяц начальник областного ГУВД издает приказ. Тогда дно Исети, неглубокой в прибрежной зоне, начинает чесать рыбачий траулер со стальными кошками, разметанными в разные стороны. Иногда «спиннингистам» везет, и они выуживают крупные трофеи. В прошлом месяце, к примеру, со дна реки был поднят директор «Гамма-банка», а в конце апреля обнаружился лидер этнической организованной преступной группировки Хасим Гамиль-оглы.

Но больше клюет разная мелочь, шестерки из кланов Локомотива и Витальки Штуки. Иногда попадается барыга с рынка, обнявший рессору от КамАЗа, или залетный беспредельщик из Кемерова, ноги которого застряли в тазике с бетоном. Хоть обратно их выбрасывай. Чаще всего кошки вообще приходят пустыми.

Утром восьмого июля тринадцатого года началась очередная спецоперация по зачистке дна Исети. Сотрудники, занимающиеся этим малоприятным делом, уже имели немалый опыт. Они четко понимали, где отлов может принести результаты, а где этим делом заниматься бесполезно. Обычно успех был обеспечен, если катер ходил вдоль берегов, на которых явно просматривалась возможность подъезда транспортных средств. Это раз. Омуты – два. Места, где невозможен проход катера с кошками – три.

Бандиты тоже не дураки. За полицейской путиной они наблюдают не из праздного интереса. Им очень хорошо известно, где нужно сбрасывать груз, чтобы блюстители порядка нашли его через пять дней, через месяц или вовсе не обнаружили.

Однако на этот раз братва совершила ошибку. Бандиты, как и всегда, упустили из виду тот факт, что полицейские – тоже люди. Как у всех, в их настроении бывают спады и подъемы. Труп, сброшенный прошлой ночью среди непроходимых коряг, дотошные копы обнаружили через час после начала поисков. Вопреки надеждам братков на то, что именно этого покойничка не найдет никто и никогда.

Впервые в жизни сотрудники водной полиции, в простонародье – водомуты, проявили недюжинную смекалку и рвение в деле, кажущемся на первый взгляд бесперспективным. Возвращаясь к вопросу изменения настроения у стражей порядка, необходимо отметить, что у начальника областного ГУВД в то утро, по всей видимости, был спад. В противном случае на катере ни за что не появились бы водолазы.

За тем, как на борту катера двое крепких мужиков надевали ласты, наблюдал человек Локомотива по фамилии Ферапонтов и кличке Сорока. Он убрал от глаз окуляры бинокля и подобрал ноги на капот здорового джипа, припаркованного на опушке прибрежного леса.

– Это что, блин, такое?

– Чего там? – лениво приоткрыв глаза, поинтересовался

его напарник, дремлющий внутри машины.

— На полицейском «Титанике» какие-то голые негры ласты на ноги натягивают, — брызнув от изумления слюной, возмутился Сорока. — Они что, оборзели уже до того, что самим в падлу в воду лезть?!

Заинтригованный Вова Грошев по кличке Подлиза вытянул из-за руля огромный живот, подошел к Сороке и вырвал у него бинокль. Он за секунду проанализировал обстановку, разочарованно вздохнул и ткнул бинокль в грудь подельника.

— Лох, — констатировал Подлиза, презрительно глядя в глаза собеседнику. — Это водолазы в комбинезонах. — Однако Вова насторожился, вернулся в машину и уточнил: — Наш где лежит?

— В ста метрах от катера. Короче, не там, куда эти тюлени сейчас спрыгнули.

Подлиза зевнул и успокоился. Локомотив, в очередной раз предупрежденный о рейде, велел им присутствовать на зачистке до самого ее окончания. Так было уже не раз. В прошлом месяце Яша тоже приказал своим людям сидеть на берегу и следить за тем, кого выудит полиция. Теперь было важно, чтобы в ближайшие несколько дней водомуты не обнаружили на дне дерзкого, похожего на хорька магометина, командированного из столицы для запугивания екатеринбургских братков. За неделю мальчики Локомотива наделают в Новосибирске немало дел от его имени, так что

москвичи не станут искать хоряка в Исети. Пусть разбираются с новосибирскими. За эту неделю сомы и окуни сделают с мусульманином то, из-за чего потом невозможно будет определить не только национальность, но и пол бедняги.

– Вова, а Вова!.. – скороговоркой, за что и получил погоняло, протрещал Сорока. – Негры в комбинезонах жмура на борт поднимают!

Подлизе опять пришлось тащить из-за руля живот. Он снова прижал к глазам окуляры и на этот раз вынужден был согласиться с тем, что Сорока прав. Двое амбалов в блестящих от воды костюмах заталкивали на низкий борт человеческое тело. Сначала копы выволокли на палубу труп, потом – около двух метров веревки. Только вслед за этим они с трудом вытянули металлическую панцирную сетку от кровати.

– Не может быть, – не веря своим глазам, пробормотал Подлиза. – Как его туда занесло? Течением, что ли? Ну-ка, звони Яше!

Звонок раздался в половине девятого.

Пащенко дотянулся до телефона, отвел взгляд от настенных часов, прижал трубку к уху и заявил:

– Слушаю.

– Это я, Вадим Андреевич, – раздался голос старшего следователя по особо важным делам Меркулова. – Полиция чистку дна устроила и десять минут назад выловила свеженький труп.

– Что значит свеженький? – уточнил заместитель прокурора.

Следователь решил, будто начальник не до конца проснулся, и начал ему объяснять, что первичный осмотр указал на не более чем двухчасовое нахождение тела в воде. Однако тут Меркулов ошибался. Пащенко был готов к работе в тот самый момент, когда открывал глаза после сна. Рассматривая воображение подчиненного, говорившего банальные вещи, заставляя его повторяться или опускаться до разъяснений, он быстро просчитывал свои дальнейшие ходы. В те секунды, пока Меркулов терпеливо рассказывал о состоянии кожного покрова потерпевшего, его глазах, не тронутых рыбами, о еще сочащемся ножевом ранении под левой лопаткой, Пащенко уже знал, что сделает сразу после того, как следователь замолчит.

– Ладно, Меркулов, достаточно. Тело вынести на берег, силами райотдела организовать оцепление. Напротив обнаружения тела, на грунте, произвести тщательный осмотр на предмет обнаружения следов транспорта и прочего. Дайте команду водолазам на доскональный осмотр дна в радиусе пятидесяти метров от места нахождения трупа. Сейчас я доложу прокурору и прибуду на место.

Только что Пащенко говорил с Копаевым о том, что неплохо было бы попросить Земцова, начальника отдела УБОП, пощупать Славу Рожина на предмет членства в какой-либо организованной преступной группе. Надо опреде-

лить ареал его жизнедеятельности, да заодно порасспросить, зачем ему, Славе, понадобилось вкладывать конверт с документами на дом в бумаги Пермякова, лежащие на столе.

Земцов, знавший Пермякова не хуже Пащенко, после ареста следователя сначала замкнулся и убыл из поля зрения. Такое поведение свойственно всем осторожным личностям, занимающим щепетильный пост. Потом он объявился и сообщил Пащенко, что не разделяет мнение своих коллег о моральном облике Александра Пермякова. Наверное, короткое исчезновение из зоны видимости понадобилось ему для того, чтобы выяснить подробности дела и последовательность проведенных оперативных мероприятий.

Пащенко прибыл на место и узнал, что личность утопленника уже установлена.

Он отошел в сторону, вынул из кармана мобильник.

– Антон, я на берегу Исети. Передо мной лежит труп Рожина.

– Рожина? – переспросил Копаев. – Это тот, который?..

– Да, он самый.

– Я сейчас приеду.

Появлению Копаева никто из присутствующих не удивился. Пащенко встретил его как приятеля, не сослуживца. Но здесь, на берегу, Антон находился в уязвимом положении. Не исключено, что кто-то из присутствующих на берегу потом узнает в оперативнике УСБ заместителя начальника правового управления мэрии. Если хоть один человек

вспомнит, что Копаев общался с Пашенко, и попробует выяснить об Антоне побольше, то начнется неразбериха.

Но Копаев не мог не приехать. Он должен был своими глазами все увидеть и получить информацию из первых рук. Риск имелся, но он был оправдан.

Теперь Рожин, тот самый человек, который так содействовал аресту следователя Пермякова, лежал под его ногами. Вид Рожина был странен до крайности. Джинсы «Райфл», серая, в действительности же скорее белая, майка с эмблемой испанского королевского клуба, на левой ноге кроссовка «Пума». Вторую уже нашли, она лежала чуть поодаль от трупа. Вместо нее к правой ноге был привязан обрезок автомобильного троса, на другом конце которого оказалась панцирная сетка.

– Личность пока не установили, – сообщил Меркулов из-за спины заместителя прокурора.

– Устанавливайте, – велел Пашенко, открывая перед криминалистом возможность проявить его лучшие качества.

Сам-то он личность покойника уже установил, за сутки, прошедшие после ареста Пермякова, вволю налюбовался на фотографию Рожина. Тот имел глупость быть задержанным в девяносто восьмом году за мелкую кражу промышленного серебра на заводе, после чего два года своей жизни посвятил шитью рукавичек в колонии общего режима. Потом была еще одна ходка. Им опять занималась прокуратура. Эта история тоже закончилась шитьем. Известным кутюрье Ро-

жин так и не стал, зато прославился чудовищной подлостью в деле посадки на нары следователя Пермякова.

– Его убили или живым сбросили? – спросил Копаяев.

– Нож вставили, а потом спустили. В спине ранение, несовместимое с жизнью. В глазах, как видишь, недопонимание, совместимое с глупостью.

– Еще и кровать к ноге привязана, – почесав подбородок, пробормотал Антон. – Коза nostra по-екатеринбургски, мать их!..

Копаяев обернулся, когда Меркулов попросил Пашенко немедленно приблизиться к труп.

– Что?.. – выдохнул Вадим.

– Вот. – Меркулов указал пальцем на пятнышко, сверкающее посреди серого песка.

Этим пятнышком оказался зуб, именуемый стоматологами клыком. Можно было бы предположить, что он принадлежал не человеку, а волку. Собаке, на худой конец. Во всяком случае, до проведения соответствующих экспертиз. Но Копаяев ни разу не видел собаку с золотой фиксой в пасти, а потому все эти побочные предположения потеряли смысл, не успев его обрести.

– Это зуб, – сказал Меркулов, секунду помедлил, скользнул по начальнику взглядом и повторил: – Зуб.

– Я не дурак, – заметил Пашенко и поднял на него глаза. – И не глухой. Осмотрите труп еще раз. Золотые зубы просто так, во время дружеского разговора, изо рта не выле-

тают. Даже если такое случается, то их, как правило, подбирают. Этого не происходит только тогда, когда искать невозможно или нет времени.

Меркулов вернулся через минуту и доложил:

– Во рту покойника все зубы на месте.

Копаев подошел к труп, перевернул его левую кисть, опустил ее на песок, оглядел и правую. На казанке среднего пальца виднелся свежий шрам, раскисший от воды.

– Меркулов, знаете, чем стоматолог отличается от криминалиста? – Антон отряхнул руки и протянул следователю кусочек золота. – Первый никогда не поинтересуется у пациента, за что ему выбили зуб. Хотите наводку?

– Хочу, – признался молодой криминалист. – Правда, я водку не пью.

Копаев рассмеялся.

– Хорошо, просто наведу на мысль без спиртного. Зуб новый, в смысле – не сточенный. Мы имеем дело с частью зубного моста, так как есть следы крепления к соседней коронке. Они еще не потемнели. Способность золота вступать в химические связи с другими веществами, то есть валентность, крайне низка. Особенно это относится к процессу образования солей. Поэтому я определяю время установки коронки как... – Он поднял глаза к небу, пожевал губами. – Четыре-пять месяцев.

Глядя на побледневшего Меркулова, Пашенко ухмыльнулся и подумал, что Копаев не изменился. Менеджер стро-

ительной компании!.. Зачем он ушел из полиции, спрашивается? Сейчас там такие люди на вес золота.

– Меркулов! – заговорил Пащенко, вынув сигарету изо рта. – Проверьте государственные и частные стоматологические клиники, занимающиеся протезированием зубов. Радиус поиска сужается, потому что не все берутся работать с золотом. Он уменьшится еще значительно, если вы определите для себя возраст и пол пациента. Думаю, ему от двадцати до сорока, и это обязательно мужчина.

– Дальше?.. – Меркулов напрягся.

– Объяснять не считаю возможным, потому что если начну это делать, то через пять минут сам назову фамилию того человека, которому Рожин выбил зуб. Зачем вы носите погоны при такой постановке вопроса, Меркулов?

В камере СИЗО задыхается от жары и обиды друг. Он сейчас очень хочет есть, сидит у крошечной «решки» и вдыхает воздух, пробивающийся с улицы. Откуда конвою знать, что у парня нет трети левого легкого? Да и знали бы вертухаи – наплевать им на это.

Сашка сидит, и пока никто не знает, кто его туда упрятал. Жизнь так паскудна, что поручиться сейчас Антон Копаев мог только за себя и Пащенко. Рожина убили за то, что он стал лишним в деле Пермякова.

Важняк Кормухин из следственного комитета прибыл в СИЗО для допроса Пермякова как раз после того, как Сашка

доел капусту из мятой алюминиевой тарелки и допил чай, совсем жидкий, похожий на третью заварку.

– Хлеб будешь? – Сашка кивнул гаишнику на свой кусок, оставшийся после роскошного обеда.

Тот почему-то решительно отказался, и в этот момент в двери заскрипел замок.

– Пермяков! На выход.

– Не колись, – посоветовал гаишник.

Толстяк, лежащий на нарах, поджал губы, посмотрел на бывшего полицейского как на дурака и снова уставился в книгу.

Конвоир терпеливо ждал, пока бывший следователь сползнет под краном руки, потом шагнул из камеры, давая ему дорогу, и с грохотом захлопнул дверь.

– Расколется, – удовлетворенно заметил гаишник, которому не давала покоя обида за недавнюю трепку. – Следаков быстро колют.

Глаза куриного следователя повлажнели. Он уже почти закончил обед и теперь сидел между нарами толстяка и беззубым гаишником, теребя в руках подол спортивной майки. Следак был в расколе уже давно и сейчас терпеливо дожидался суда, надеясь на его гуманность и жалость.

На что рассчитывал любитель романов, было непонятно, ибо за все время пребывания в камере он лишь дважды перекинулся словом с сокамерником. С этим самым, из следственного комитета. Разговаривать с остальными дан-

ный упитанный субъект то ли брезговал, то ли считал излишним.

Закончив трапезу, все, за исключением толстяка и гайшника, полезли на свои места. Первый не вставал с самого утра, вяло пережевывал колбасу и запивал крепким «Ахмадом». Второй собирал посуду.

Передачи в камеру поступали регулярно, но все они, за исключением пакетов толстяка, доходили до арестантов выпотрошенными. Гайшник, к примеру, точно знал, что жена передает ему «Мальборо» и яблочный джем. Однако в пакете оказывались «Прима» и какое-то прокисшее варенье. На каком этапе перемещения с воли за решетку сигареты теряли фильтры, а джем утрачивал вязкость, оставалось лишь догадываться. Хлипкому следователю из райцентра никто ничего не передавал, поэтому с ним делились сокамерники. Точнее сказать, предлагали. Но аппетит у молодого парня был никакой. Он лишь плакал.

Вечером передали пакет и Пермякову. Буженина, сок, «Орбит» без сахара и... «Кэмел»! Посмотрев на сигареты, Сашка подавил улыбку. Всю его душу охватило блаженство. Сам он курил «Винстон», любитель сигарет с верблюдом – Пашенко. Передача в камеру «Мальборо» для Сашки не значила бы ничего. Просто дорогие, качественные сигареты. А «Кэмел»!..

Понятно, что это идея Пашенко. Копаяев и Пашенко рядом. Они с ним.

Пермяков забросил пакет на полку с продуктами, дрожащей рукой распечатал пачку, вытащил сигарету и с жадностью затянулся. Он никогда в жизни не купил бы крепчайший «Кэмел», но сейчас первая затяжка показалась ему глотком жизни. Они рядом. Друзья с ним!..

Странность хруста сигаретной упаковки произвела впечатление лишь на толстяка. Он с легким удивлением положил книгу на живот и посмотрел на руки Пермякова, снимающего целлофан с пачки. Остальные не обратили на такое событие никакого внимания. А ведь это на самом-то деле очень странно: услышать хруст распаковываемой сигаретной пачки в камере СИЗО.

Только последнему лоху не известно, что сигареты в заводской упаковке на тюрьму не передают. Как и колбасу батонном, которая лежала в Сашкином пакете. Ее режут на куски. А сок в коробке с воли – это просто неслыханная дерзость. Он может попасть в руки арестованного лишь из тюремного магазина. Но передача была с воли.

Толстяк улыбнулся кончиками губ и, как обычно, увлекся книжкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.